

К истории немецких колоний на Волге

Пастор Ф. Дзирне, приход Северный Екатериненштадт¹

По призыву императрицы Екатерины II (Манифест от 22 июля 1763 г.) в 60-е годы прошлого столетия большое число немецких эмигрантов покинуло свою родину, дабы поселиться в волжских степях, на территории нынешних Саратовской и Самарской губерний, и по воле царицы послужить соседствующим народностям примером в ведении земледелия зарубежным способом. Изю всех областей Германии, из Голштинии, Вестфалии, Гессена, Пфальца, Бадена, Вюртемберга, Тироля, Баварии, Саксонии, Силезии и Восточной Пруссии, далее из Голландии, Швейцарии и бывших германских земель Эльзаса и Лотарингии люди устремились на восхваленную плодородную землю у Волги. Однако это были не всегда самые лучшие и прилежные, а большей частью такие, которых повлекли на новую обетованную землю нелюбовь к труду и авантюрная погоня за легко достижимым богатством. Прибыв на место, они получили большую помощь от высокой короны, дабы поселение могло протекать тем успешней. Дома и церкви были построены им за счет короны, семена и земледельческие орудия она предоставила им в долг.²

Часть поселенцев была поселена на восточной (левой), степной или луговой стороне Волги, другая – на западной (правой), нагорной стороне. Хотя собственные пожелания вновь прибывших при выборе места проживания бесспорно принимались во внимание, но названия колоний Гларус, Шафгаузен, Унтервальден, Цюрих и т.д. в северной полосе самарской луговой стороны, кое-где пронизанной грядами холмов, ни в коей мере не свидетельствуют, будто здесь поселились все эмигрировавшие швейцарцы. Хотя в тех селах проживали и некоторые дети альпийской страны, но далеко не только они, и эти названия были даны поселениям не по их желанию, а по прихоти некоего высшего российского чиновника, уполномоченного организовать эти колонии. Тем временем нет недостатка в селах, почти сплошь населенных эмигрантами из одной земли и несущих ее тип на своем облике, как это и сегодня еще бросается в глаза в баварском Мариентале и гессенском Филиппсфельде даже при самом поверхностном наблюдении. Римско-католическим иммигрантам были выделены отдельные места поселения.

Однако благая надежда многих эмигрантов на сплошные золотые дни потерпела крушение вскоре, когда они несколько ближе пригляделись к новой родине; здесь

---

¹ Busch, E. H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland. St. Petersburg 1862. S. 302-328.

² Поселение стоило правительству 5.199.813 руб. 23 коп.

нужно было не сидеть, сложа руки, как они считали, и в блаженном безделье играть роль уважаемого наставника полудиких народностей, а надо было вновь и вновь трудиться всюду, где предстояло добыть необходимые средства к существованию у земли, чрезвычайно плодородной самой по себе. Правда, за счет многих привилегий, за счет постоянной помощи со стороны правительства, любой ценой желавшего создать образцовое немецкое хозяйство в этой местности, работа колонистов была сделана намного легче, чем они привыкли на старой родине; однако работать они не хотели, поскольку считали, что прибыли сюда не для собственного земледелия, а для обучения ему других народностей. Разочарование стало полным, когда дело дошло до частых враждебных стычек – не только с окружающими русскими, чьи язык и обычаи были им одинаково чужды, но и с соседними дикими киргизскими племенами, которые, вырываясь из своих степных обиталищ между реками Урал и Еруслан, не раз нападали на ближайшие немецкие села, сжигали дома, разоряли пахотные поля, похищали запасы, вырезали часть жителей, а других уводили с собой в рабство. Тяжелый труд и постоянная опасность очень скоро вызвали у колонистов желание вернуться к прежнему благополучию, на старую немецкую родину, где им, правда, тоже приходилось тяжело трудиться, подчас при пылающем пламени войны, но они, по крайней мере, были уверены, что их не изжарят живьем. «Мы возвращаемся домой!» – раздавалось теперь от села к селу, и вскоре нашлись многие, готовые с радостью последовать этому призыву; однако прежде отъезда на родину нужно было поглотить все запасы, неделями праздновать наперед, выбить и уничтожить окна и двери в домах и тем самым сделать невозможным любое дальнейшее пребывание на месте. Так начались празднования и разрушения. Наконец, толпа возбужденных поселенцев с луговой стороны двинулась в путь на родину, однако добралась лишь до «Острова убийства» у вновь заложенной колонии Екатериненштадт, где на Волге на них напали русские и татары, похитили у них немногочисленные пожитки и всех их убили. Вторая толпа добралась до Волги под Саратовом, где казачьи пикеты преградили им путь и с копьями наперевес погнали их назад, в разоренные села. Отныне труд немцев больше не был делом желания, а стал строжайшей обязанностью, к исполнению которой они принуждались начальственными предписаниями. Это помогло; нужда приучает молиться, и редко когда благословение труда проявлялось столь убедительно, как в этих колониях. Беспорядочно сбравившийся хаос толп поселенцев постепенно организовался в прекрасное целое; за счет труда многие в благословенной небесами полосе достигли заметного благосостояния; были установлены дисциплина и хороший надзор, неотъемлемые реквизиты во всех поселенческих условиях, люди привыкли к земле и к существующим обстоятельствам, и кто сегодня проезжает по саратовским и самарским колониям, наблюдает красивые, чистые села, отчасти похожие на города, их прилежных жителей, оценивает состояние немецких колонистов, при определенных недостатках и ошибках, как в целом все-таки вполне значительное и деятельное состояние: тот едва ли подумает, что люди, которых он видит здесь перед собой, являются потомками тех отчаявшихся, враждебных труду поселенцев, и что полвека труда и строгой дисциплины были в состоянии принести столь прекрасные плоды.

Отношение к окружающим народностям также приобрело другую форму. Наученный опытом, немецкий колонист держится от русского, как и от киргиза, одинаково удаленно, и близкие дружеские отношения между ним и не немцем являются большой редкостью. Однако открытая вражда давно уже прекратилась; со времен Пугачева, который втянул в свое безумно-смелое предприятие и многих

немцев, среди русских земледельцев степи царит спокойствие и порядок. А киргизы научились лучше справляться со своими обязанностями в отношении подданных российской короны, под защитой которой находятся и они, оттянулись от Еруслана дальше на восток, в степь, и стали теперь спокойными, подчас даже дружескими соседями немцев. Этим детям степи наблюдаешь здесь, когда они осенью отправляются с большими верблюжьими караванами на значительные колониетские ярмарки, или тянутся зимой в губернский город Саратов, дабы обменять там продукты своих табунов на другие, необходимые им. Куска обычного пшеничного хлеба, который кочевники почитают как вкусное лакомство, достаточно, чтобы им приобрести надежную гарантию на вечное гостеприимство, если кто-то другой пожелает совершить вылазку к одному из ближайших киргизских табунов, выкурить там своего рода трубку мира со старейшиной и угоститься у него кумысом с очень своеобразным вкусом. Времена, как те, когда киргизы вырезали язык первому пастору Екатериненштадта, Вернборнеру, когда сотни немцев были обезглавлены, нанизаны на копья, растоптаны лошадьми и утоплены в разлившихся степных ручьях, пожалуй, еще живут в памяти некоторых стариков, которые наблюдали все это в дни своей юности; однако нынешнее поколение не может и представить себе нанизывания на копья, когда торгует с киргизским соседом лошадьми и скотом или вступает с ним в более близкие отношения другим путем.³ Причиной этого преобразования вещей являются отчасти предупредительные меры правительства и вызванные ими неоднократные клятвы киргизских вождей в мире и послушании, а отчасти, видимо, и негативный опыт самих кочевников, когда им был не раз нанесен чувствительный ущерб русскими войсками, которые были раньше размещены здесь для защиты колонистов, как и, с другой стороны, то, что они смогли приобрести лучшее мнение о немцах и их воинственном духе после того, как жители колонии Мариенталь на Карамане захватили в ходе боевого набега одного из их старейшин и изжарили его живьем. Кое-кто из мариентальских стариков еще с содроганием вспоминает об этом ужасающем деянии, – но киргизы все-таки заметили, что немцы кое-чему у них научились, наносили отныне свои визиты все реже и, наконец, прекратили их совсем.

Численность первых иммигрантов составила около 25 000 душ, которым предоставили места для поселения по обеим сторонам Волги. Колонисты не несут воинской повинности, так что при спокойной безопасной жизни и упорядоченном труде в здоровом климате население должно было быстро умножиться, что и произошло в такой мере, что жители старых колоний уже сильно жалуются на нехватку хорошей пахотной земли и пригодных пастбищ для скота, которых при нынешнем, столь сильно возросшем населении стало недоставать. Обстоятельством, которое при этом с самого начала повлияло особенно негативно, является то, что первые колонисты при заложении своих сел не рисковали слишком удаляться друг от друга из страха перед киргизскими соседями, так что уже вскоре границы поселений постепенно пришли в соприкосновение, и нехватка земли стала ощутимой. Из-за этого возникла проблема,

---

³ Эти более близкие отношения не всегда носят приятный характер, т.к. киргизы при своих походах на крупные волжские ярмарки часто совершают воровские набеги вплоть до окрестностей немецких сел, чтобы угнать лошадей, а затем продать или зарезать их. При этом порой возникают небольшие стычки, участникам которых обычно разбивают головы.

что колонистам зачастую приходилось ехать на пашню по 40-50 верст и при этом терять много времени, а при внезапно наступающих сильных весенних заморозках и непогоде в голой степи – и значительную часть своих тягловых животных. Еще сильнее, чем на луговой стороне, ощущалась нехватка земли на нагорной стороне. Тамошние колонисты уже при первом распределении земли были снабжены несравненно хуже, так что с течением времени многие семьи были вынуждены зарабатывать себе на содержание в качестве ремесленников и фабричных рабочих. Так там была заложена основа для процветания ремесленной деятельности, которая и сегодня успешно развивается; тамошние хлопкопрядильни являются доходным источником пропитания для сотен немецких колонистов.

При всем этом жалобы на нехватку земли усиливались день ото дня, пока, наконец, колонистской администрации не была выделена высокой короной широкая полоса степной земли у рек Нахой, Караман и Еруслан и еще дальше на юг Самарской губернии с тем, чтобы использовать ее для новых переселений из переполненных материнских колоний. Сначала это не привело к созданию реальных поселений, а каждая материнская колония нагорной, как и луговой стороны получила относительно большой или меньший кусок свежей степи в свободное распоряжение, и люди поначалу предпочитали либо обрабатывать эти участки со своего места жительства, зачастую на расстоянии в 80-100 верст, либо сдавать их в аренду и распределять арендную плату в своей общине, а не направлять из своей среды поселенцев на вновь полученные земли. Однако это вызывало большие неурядицы, потери времени, денег и тяглого скота, порой сильное недовольство в общинах. Прошло уже около 14-15 лет, как первые немецкие поселенцы выехали из старых колоний луговой стороны в степь у рек Нахой и Караман, считавшуюся тогда еще дикой и неплодородной, вызывая всеобщее изумление как авантюристы и безрассудные люди (т.к. в головах колонистов еще гнезился страх перед киргизами), забирая с собой свои постройки наряду со всем скотом и хозяйственными орудиями и оставляя общине свою прежнюю землю вместо новой, которую им предстояло обрабатывать в степи. На нагорной стороне тогда еще никто не думал переселяться, и луговая сторона тоже смотрела на своих новых поселенцев выжидающе. Тогдашний глава колонистской администрации, статский советник Фрезе, следил за начинанием новых поселенцев по-отцовски заботливым взором и помогал им советом и делом, насколько он мог, – но дело все не продвигалось. И на то были свои причины. Не зажиточные домовладельцы материнских колоний отправлялись в дикую степь, они с удобствами оставались дома и предоставляли попытки рискнуть беднякам, окруженным проблемами со всех сторон. Однако бедность нигде не проявляется чувствительней, чем при создании нового хозяйства. Тут недоставало хорошего тяглого скота, чтобы перепахать степь в пашню, недоставало рабочей силы, т.к. переселяющиеся семьи были по числу душ обычно невелики, а работник неохотно нанимается для нужды и работы в дикой степи, тем более за скудную плату; – старые дома нужно было доставить на новое место жительства и там воздвигнуть заново; недоставало и новых построек; – рынок и город были далеки и труднодостижимы. К этому добавлялись еще неоднократные неурожайные годы, вызванные затяжной засухой, так что грозил разразиться сильный голод. Тут в молодых поселениях Вейценфельд на Нахое, Фрезенталь, Ней-Боаро и Лиленфельд на Карамане, Визенгейм и Розендамм на Еруслане приходилось часто есть хлеб со слезами и тосковать о старой родине, – но большинство добросовестно трудилось, не было недостатка и в молитве, так что предвещание, подразумеваемое

словами: «Молись и трудись», не могло заставить себя слишком долго ждать. Вновь настали добрые плодородные годы, из материнских колоний прибыли новые поселенцы, рабочая сила и благосостояние умножались, и наступило время, когда новые поселенцы пришли к выводу, что они правильно поступили, выселившись в степь. Теперь, когда их благосостояние имело под собой основу, они расцветали относительно быстрее, чем многие материнские колонии, и поселенец хорошо понимает свое преимущество, когда с гордостью говорит: «У нас «свежая земля»». И в Поволжье это действительно не пустяк – иметь возможность заниматься своим земледелием на свежей девственной земле. Навоз здесь никто не может использовать для культивации почвы, т.к. из него, при сильной нехватке дров, готовят совершенно особый горючий материал под названием «навозные дрова», в форме четырехугольных, дернообразных, сильно высушенных толстых пластов. Плодородие почвы, которую материнские колонии использовали уже почти 100 лет, падает из-за этого год от года, и люди вынуждены тем самым арендовать себе пахотную землю зачастую за сотни верст, дабы их собственная земля некоторое время могла полежать под паром и передохнуть. Обо всем этом новые поселенцы, естественно, ничего не знают. Тут весело хозяйствуют на свежей земле, не занимаясь каким-то образом сохранением ее силы; поселенцы еще не научены ущербом и, видимо, думают, что их дети еще через 100 лет могут опять переселиться дальше на восток, вытеснив киргизов из их нынешних обиталищ в татарские степи.

Расцвет первых поселенческих сил насчитывает лишь немногие годы, но наблюдался острым взглядом в материнских колониях и вызвал большие перемены на нагорной и луговой стороне. Все внезапно захотели в степь. Из всех материнских колоний туда потянулись целые толпы переселенцев, отчасти с позволения начальства, отчасти без него, и обосновались на предназначенных для поселения земельных участках, где можно было найти хотя бы речку или речушку, водоем или водоемчик, даже хотя бы степной ручей или источник. Поселения луговой стороны развивались в целом медленно и обдуманно, к тому же за ними заботливым взором следили материнские колонии; но на той стороне Волги едва узнали, что первым перелившимся оттуда на реку Еруслан колонистам живется достаточно хорошо, как буквально из всех сел нагорной стороны на степь вылились целые потоки переселенцев, причем было очень заметно, что тамошние материнские колонии воспользовались удобным случаем, чтобы благовидным образом избавиться от всех тех, с которыми трудно было ужиться дома. Мгновенно возникли два десятка колоний нагорной стороны на Еруслане, где до этого еще никогда не было человеческого жилища, и к ерусланским с запада и юго-запада присоединилось столько же, если не больше поселений нагорной стороны, разбросанных по далекой степи. Только из церковного прихода Усть-Кулалинка выехали свыше 2000 душ. Однако переселение пока далеко не завершилось, т.к. пустуют еще очень многие земельные участки, предназначенные правительством для поселения. Посреди дикости образуется новый мир; до сих пор католическая колония Мариенталь у реки Караман считалась крайним форпостом против киргизов, а теперь дело вскоре дойдет до того, что колоний за Мариенталем станет больше, чем старых материнских колоний на севере и северо-западе.

Кто видел немецкое село в Саксонии, Гессене или Баварии, тот может примерно представить себе картину волжских колоний, ведь их создателями являются земляки

из тех мест, и дети строго придерживаются отцовских обычаев. Большинство сел построены чрезвычайно упорядоченно; преимущественно широкие улицы пересекаются под прямыми углами, и вершину каждого угла обычно образует какой-нибудь жилой дом, крайне редко – сад или надворное строение. Почти все дома имеют одинаковую длину и ширину, острую крышу и неизменную белую трубу. Комнаты светлые и проницаемые для воздуха – зимой, к сожалению, даже слишком проницаемые, – с большими светлыми окнами, рамы которых обычно блистают разноцветными красками. Через широкие ворота вступаешь в чистый двор, со всех сторон окруженный надворными строениями, к которому примыкает неизменный огород, зачастую и плодовый сад. Квадратная форма домов по возможности сохраняется и в массивных строениях более крупных колоний, напоминающих города, как, например, в Екатериненштадте или Привальной; однако здесь встречаются уже и многие дома другой формы, обращенные к улице продольной стороной; в большинстве своем это купеческие лавки. Меньшие учатся у больших, так что и в меньших колониях встречаются подобные продолговатые дома, обычно с двумя большими жилыми комнатами, по одной в каждом конце, кухня и прихожая посередине, вход всегда со двора, никогда с улицы, обычай, происходящий, вероятно, из времени киргизских ужасов. Строительного камня вблизи колоний луговой стороны нет. Поэтому дома колонистской аристократии выстроены из кирпичей, остальные лучшие дома – из дерева, домишки совсем бедного класса людей – из так называемого глинобитного камня. А именно, это название приобретает здешняя селитряная, черно-серая пахотная земля, когда она, смешанная с небольшим количеством соломы, песка и воды, используется как доступный всюду, хотя и не очень долговечный строительный материал. На луговой стороне очень мало леса, а строительного леса нет совсем, и таковой до последнего бревна приходится покупать у Волги. А кто не может купить бревно, тот берет себе свой глинобитный камень задаром. Ощутимым недостатком жилых домов колонистов является то, что это скорее летние, чем зимние дома, и этот недостаток сильно чувствуется, во всяком случае, зимой, при температуре -20° по Реомюру [примерно -25° Цельсия – *прим. перев.*]. Высокие кафельные и комнатные печи можно встретить здесь лишь в так называемых господских домах, т.е. в пасторатах, квартирах купцов и т.д.; в иных случаях обычная печь представляет собой низкое, продолговатое, достигающее почти середины комнаты каменное сооружение, в которое для лучшего распространения тепла встроены один-два плоских железных котла. Потому и получается, что при топке комнаты становятся очень скоро не только теплыми, но и по-настоящему горячими, но и столь же быстро остывают снова, тем более что заполнение пространства под полом песком относится у колонистов к негодным делам, которые, к сожалению, не были унаследованы от отцов как традиционный обычай, а потому и не так просто прививаются. Однако в последнее время заполнение все же постепенно входит в обычай.

Сочетание ярких красок пользуется у здешних немцев большой любовью. Всё, что так или иначе желает претендовать на красоту и вкус, идет ли речь о столах, лавках, сундуках и шкафах, или об оконных ставнях и дверях домов, должно красоваться многообразнейшим сочетанием красного, синего, зеленого, желтого и белого цвета. Поначалу взаправду трудно почувствовать себя уютно в такой комнате, где каждый угол и каждая стена сияют другой яркой краской.

Бросим теперь взгляд на внутреннюю жизнь села. Общинные учреждения немецких колоний аналогичны существовавшим на старой родине; немецкая система шультцев имеется и здесь в каждом селе. Владельцы дворов каждые 2 года избирают из своей среды форштегера и двух байзицеров, образующих вместе с колониетским писарем первое начальственное учреждение, колониетский приказ. Несколько колониетских приказов подчинены окружному приказу, членами которого также являются окружной смотритель, два окружных байзицера и окружной писарь; окружные же приказы находятся под надзором Конторы иностранных поселенцев в Саратове. Контора осуществляет этот надзор на местах через так называемых смотрителей колоний, чиновников на службе конторы, каждый из которых должен обычно надзирать за двумя округами, производить в них все судебные расследования и о результатах последних докладывать Конторе. Тут в каждой колонии бесконечно многое зависит от того, что за люди были избраны членами колониетского приказа. «Старейшины» и «судебные люди» должны прежде всех принимать решения о каждом учреждении и каждом жизненном вопросе в общине; младшая часть общины по большей части молчит и слушает, пока возраст и опыт не дадут ей права на участие в принятии решений. Будущее каждой вновь созданной общины поэтому почти всегда зависит от качества ее колониетского приказа в первые годы. Если тут бразды правления находились в руках разумных энергичных людей, которые противодействовали возникающим всюду вольным либеральствующим устремлениям плохих субъектов и сами во всех случаях служили примером упорядоченной жизни, активного прилежания и строгой любви к порядку, то общинная жизнь быстро расцветает и еще многие годы спустя в жизни общины легко различимо то первоначальное благотворное влияние, тогда как, с другой стороны, жалкий бессильный колониетский приказ может уже в первые годы настолько низвести свою общину и в такой степени развязать наглуго разнузданность, что данной колонии долго придется страдать от этого. Когда сегодня спрашиваешь о причине особого расцвета той или иной старой колонии, то всегда получаешь от ее старых опытных людей один и тот же ответ: «У нас с самого начала были хорошие форштегеры!» Поэтому опасно, что и новые поселения в степи с самого начала имеют полное право самим избирать из своей среды членов колониетского приказа. Во многих этих новых образованиях дела таковы, что если бы они захотели найти хороших пригодных субъектов для управления своими делами, то сначала следовало бы пригласить таковых из других образований, поскольку в своей среде пришлось бы тщетно искать таких людей. Зачастую намерение такой общины избрать членами колониетского приказа именно самых негодных субъектов, дабы под их вялым шатким правлением безнаказанно оставаться в праздности и предаваться любому своеволию, проявляется совершенно открыто, и именно с такими сообществами у любого начальства годами возникают самые трудные проблемы. Разнузданность и безудержность, которые в отдельных вновь заселенных поселениях принуждали до сих пор к самому строгому вмешательству начальства, могут иметь свою причину и в одиноком, отрезанном от цивилизованного мира положении этих деревенок. В этом отношении они резко отличаются от материнских колоний. Последние расположены отчасти прямо у Волги, оживляющей их торговлю и повышающей их благосостояние, отчасти в нижнем течении крупных притоков этой большой реки, т.е. всегда вблизи значительных торговых центров. Вызванное паровым судоходством оживленное движение у берегов громадной реки ежедневно приводит жителей этих колоний в соприкосновение с чужими людьми и их обычаями; многие из них нередко совершают и

торговые поездки в далекие города и губернии и приучаются там к более высокой нравственности, более искусному обхождению и более сознательному чувству долга.

Каждая, даже самая маленькая колония имеет свою собственную церковь или хотя бы свое собственное школьное здание, где пастор обязан проводить богослужения для жителей одного этого села, так что проповедник, которому поручены 7 колоний, лишь каждое седьмое воскресенье в состоянии вновь провести богослужение в той же церкви и общине. Из-за этого обычая работа здешних проповедников очень сильно осложняется, особенно если от материнских колоний отпочковываются новые поселения и их приходится духовно обслуживать священникам старых колоний, пока они еще не в состоянии создать собственный церковный приход. Так, пастор Бауэр из Рязановки – а этот церковный приход охватывает 7 колоний с более чем 7000 воцерковленных – в течение нескольких лет посещал целый ряд новых поселений по 6-7 раз в год, при этом каждый раз преодолевал расстояние в 225 верст и вынужден был проводить некоторые ночи в голой степи, при трескучих зимних морозах и снежной пурге, под вой степных волков; и то, что делал пастор из Рязановки, совершают и сегодня многие другие проповедники церковных приходов.

Поскольку, как отмечалось выше, каждая колония имеет свою собственную церковь, большинство церквей невелики и неприглядны и построены по большей части из дерева. Совершенно аналогично жилым домам, пространство под полом, как правило, не заполнено, как в самой церкви, так и в ризнице, причем последние нигде, даже в недавно возведенных прекрасных массивных церквях в Екатериненштадте, Орловской, Боаро, Шафгаузене, Привальной и т.д., не предназначены для отопления, так что уже поздней осенью единственного часа пребывания в этих помещениях достаточно, чтобы основательно простудиться на сквозняке. А в течение зимы и богослужение проводится не в церкви, но всюду в предназначенных для этого уже при постройке школьных зданиях, т.к. каждая колония имеет как свою собственную церковь, так и свое собственное школьное здание и своего собственного шульмейстера. Поскольку здесь, в отличие от прибалтийских губерний, не часть юношества школьного возраста, а все дети от 7 до 15 лет должны посещать школу, то уже по этой причине школьные залы очень просторны и вмещают подчас при богослужении по две общины. Остаток школьного здания образует квартира шульмейстера, обычно из двух жилых комнат наряду с кухней и прихожей.

По воскресеньям, когда сам пастор не может находиться в какой-то общине, богослужение проводит шульмейстер по выданной ему для этого форме. Самыми употребительными книгами проповедей являются прежде всего старый Brastberger, далее Hofacker, Kapff, кое-где также Ahlfeld и Huhn. Песенник, в равной мере используемый на нагорной и луговой стороне, так называемый колонистский песенник, носит название: "Sammlung christlicher Lieder für die häusliche und öffentliche Andacht, zum Gebrauch der deutschen Evangelischen Kolonien an der Wolga. Zusammengetragen von den Predigern derselben, gedruckt in Moskwa". [Собрание христианских песен для домашнего и публичного богослужения, для пользования немецких евангелических колоний на Волге. Составлено их проповедниками, напечатано в Москве.]

Как уже говорилось, каждая колония имеет также свою собственную школу и своего собственного шульмейстера. Согласно Высочайше утвержденному школьному регламенту колонисты обязаны, во избежание денежного штрафа в 3 копейки за

каждый пропущенный школьный день, в течение всей зимы регулярно отправлять в школу всех своих детей школьного возраста. Школьными предметами являются: чтение, письмо, арифметика, катехизис, библейская история и церковное пение, обычные учебные дисциплины старой церковной школы, которая и не имеет другой цели, кроме подготовки молодежи к предконфирмационному обучению. При проведенной в 1860 г. в колонии Розенталь церковной и школьной ревизии выявились следующие результаты. Из 54 учеников-мальчиков 18 читали хорошо, 8 посредственно, 1 слабо, 8 были в чтении начинающими и 19 читали по буквам. Из 59 учениц-девочек 16 читали хорошо, 5 посредственно, 1 слабо, 5 были в чтении начинающими и 32 читали по буквам. Из 113 детей этой школы умели писать 24 и считать 11, 2 уже дошли до деления; свой катехизис и библейскую историю дети знали хорошо. Учебный опрос конфирмированной несемейной молодежи выявил следующее: из 25 юношей читали хорошо 22, посредственно 1 и 2 плохо; из 16 девушек читали хорошо 13, посредственно 1, плохо 1 и 1 вообще не умела читать. Среди 5 посланцев из других общин 4 читали хорошо и 1 посредственно. С опросом по катехизису дело обстояло хорошо; как лютеранская, так и реформатская молодежь знала свой катехизис. Учебный опрос среди семейных пар, обвенчанных за последние три года, дал следующие результаты. Из 11 мужей читали хорошо 8, посредственно 2 и плохо 1; из 15 жен читали хорошо 9 и посредственно 6; при опросе по катехизису все семейные пары показали хорошее понимание Слова Божьего. –

Здесь школы могли бы сделать намного больше и поставить народ на гораздо более высокую образовательную ступень, если бы они исконно – где больше, где меньше – не страдали двумя неизлечимыми раковыми опухолями. Где нужно хорошо учить, там не должно быть недостатка и в хороших учителях; однако их часто не хватало, т.к., с одной стороны, не было учебных заведений для подготовки народных учителей, а, с другой стороны, общины в чисто материальных интересах нередко предпочитали нанимать учителем не более способного, а более дешевого, и, если даже благодаря усилиям пастора и церковного старосты, наконец, удавалось искоренить подобных субъектов, то, при свойственном немецкому крестьянину упорстве в сохранении однажды избранного и устроенного, на это уходило много драгоценного времени, и последствия ущербного образования ощущались в таких общинах еще долгие годы спустя. Этому пороку здешние проповедники пытались противодействовать строго соблюдаемым, обязательным для всех предписанием: «что шульмейстером в колониях нельзя назначать никого, кто предварительно не сдал свой экзамен перед собравшимся синодом и не получил от него диплом кандидата на место в школьном учреждении». Тем самым, во всяком случае, была возведена целительная преграда перед произволом и протекционистскими устремлениями частных лиц при назначении шульмейстеров, однако старая история неизменно повторяется всюду, где на большом удалении от старых церковных приходов образуются новые колонии, за которыми поначалу не может наблюдать отдельный пастор.

Еще более глубоким, особенно ощутимым в перенаселенных материнских общинах пороком является непропорционально высокое число школьников, которые все обучаются одним человеком в одной школе. В среднем в одной комнате сидят вместе до 200 мальчиков и столько же девочек, среди которых нужно поддерживать спокойствие и порядок: гигантская работа для слабых сил одного человека! Потому и получается, что обучение можно производить только массово, а индивидуально

школьнику почти невозможно уделить внимание. Тем временем, правда, в более крупных школах – есть такие, где насчитывается до 1000 школьников, но где старшие дети обучаются до обеда, а младшие после обеда, – школьному учителю дают еще в подмогу молодого помощника, однако от него в его качестве «еще самого обучаемого» не может быть особо большой пользы, и к тому же он имеет среди детей невысокий авторитет. Но труднее всего бедному шульмейстеру как в других местах, так и тут, причем тут в еще большей мере, поддерживать дисциплину среди такого количества детей. Неограниченного пользования розгой он себе позволить не может, не подвергаясь безудержной ругани матерей и враждебным встречам с отцами, а искусство держать в узде сельскую молодежь без розги еще нужно изобрести. Жалобы на нехватку хороших учителей раздаются здесь со всех сторон; но пока не создана учительская семинария для колоний и не улучшено материальное положение учителя, думать о коренном улучшении не приходится.

Чтобы развернуть перед глазами читателя достоверную картину новых поселений на луговой стороне, мы хотим двинуться в путь по степи, начиная с колонии Вейценфельд. Колония расположена на возвышенности у реки Нахой, окруженная со всех сторон лугами и зерновыми полями, даже уже украшенная несколькими яблоневыми и вишневыми садами, которые, хотя и были заложены лишь недавно, уже пышно разрослись на плодородной почве. Примерно посередине колонии находится обширная церковная площадь, а с одной ее стороны – вновь возведенное деревянное школьное здание, где до сооружения церкви проводятся и богослужения. Ветряные мельницы, неизменно присутствующие в панораме каждой колонии, имеются и здесь. (Водяных мельниц в степи из-за недостатка постоянно текущей воды имеется лишь крайне мало.) Берега Нахой или Хайсоля были раньше одеты в плотные заросли ивы и ольхи, от которых теперь, однако, ничего не осталось. Отдельные кусты дикой розы еще зеленеют тут и там у защищенных склонов, но никакой другой горючей и пригодной древесины уже не видно. Нужда не знает заповедей, так что людям можно простить, что они, когда в доме не было хлеба, а в печи – топлива, не пощадили и это единственное украшение колонии. Отвесные берега Нахой лежат теперь непокрытые и голые, весной зеленые и усеянные цветами, но летом и осенью серые и выгоревшие от солнца. Между ложем реки, почти совершенно высыхающим летом, и отвесными склонами долины почва покрыта обширными насаждениями табака, кое-где также арбузными и дынными бахчами. Пройдет, наверное, еще полвека, пока колонию можно будет увидеть в тени высоких деревьев. К насаждениям колонисты имеют мало склонности, разве что к закладке яблоневых и вишневых садов, т.к. «это приносит деньги». На восточном краю колонии высится новый временный пасторат, на небольшом возвышении с дальним видом на соседние колонии и на голую степь. Сад пастората заложен на низменном, очень плодородном месте и уже засажен яблонями и лесными деревьями. Во влажные годы здешняя почва демонстрирует чрезвычайную плодovitость, но в жаркие и сухие требуется очень много усилий и труда, чтобы поддерживать в хорошем состоянии новое садовое насаждение, не защищенное ни деревом, ни кустом, безжалостно открытое для горячих знойных ветров степи. Прекрасные деревья, приятно зеленевшие еще весной, нередко высыхают в степном зное.

К югу от Вейценфельда, на противоположном берегу Нахой, на расстоянии примерно 1 ½ верст, расположено поселение Гнадендорф, а в полувёрсте от него в

юго-западном направлении – Розенфельд, оба у самого берега реки. Когда снеговая вода накапливается весной в речном ложе и поднимается на необыкновенную высоту, то примерно в течение недели можно перебраться через реку только на жалкой лодке; в любое другое время здесь имеется хороший мост, т.к. почтовый тракт из Саратова в Новоузенск ведет через эти колонии. Оба поселения возникли лишь в 1859 г., но постройки находятся едва ли не в лучшем состоянии, чем в гораздо более старшем Вейценфельде; так произошло потому, что сюда переселились и некоторые зажиточные колонисты, забрав с собой из материнской колонии все свои хорошие постройки. Если, однако, исходя из красивых, упорядоченно расположенных домов, предположить и прямой, единый образ мыслей жителей, то сильно ошибешься. Людей, принесенных сюда ветрами со всех концов света, трудно привести к общему знаменателю; при сооружении чего бы то ни было возникает много распрей и споров, и местному форштегеру требуется много терпения. При дебатах о создании церковного прихода и сооружении пастората не удавалось решить, где нужно построить пасторат, а в Гнадендорфе месяцами спорили о том, должны ли при богослужениях в школьном зале мужчины сидеть справа или слева, а шапки – висеть на правой или левой стене. Спор удалось уладить только при серьезном вмешательстве пробста. Гнадендорф и Розенфельд уже оба имеют красивые, просторные деревянные школьные здания, рядом – высокую колокольню с двумя ясно звонящими колоколами. По старому обычаю звонят не только при смертях, к богослужению и к школе, но и еще каждый день трижды, утром, в обед и вечером; во многих местах по этому случаю каждый прекращает свою работу, снимает шапку и молитвенно произносит набожное изречение; однако в некоторых местах и это уже не практикуется, и в этом отношении протестанты еще могли бы очень хорошо поучиться у соседей-католиков. Кладбища либо не огорожены совсем, либо огорожены мало, находятся по распоряжению начальства в 250 сажнях [около 530 м – *прим. перев.*] от колонии в голой степи и до сих пор еще являют собой печальную картину.

В восьми верстах от Вейценфельда, в юго-восточном направлении, весной 1860 г. образовалась новая колония, получившая название Ней-Тарлык по материнской колонии Тарлык. Новое поселение находится в том месте, где от слияния нескольких степных ручьев образуется Нахой, и может поэтому приобрести необходимую воду на лето только за счет сооружения высоких дамб.

Если теперь опять отправиться в дорогу от Вейценфельда, но на сей раз в северо-восточном направлении, то мы через 5 верст пути по пшеничным полям и арбузным бахчам окажемся в последнем лютеранском селе у Нахоя, Александердорфе. Эта колония существует уже с 1850 г.; однако школьное здание еще небольшое и тесное; для этого используется бывший колонистский дом, так что в нем едва хватает места школьникам, не говоря уже об общине, собирающейся на богослужения. Александердорфом завершается ряд колоний, образующих новый, утвержденный только в 1862 г. церковный приход Вейценфельд.

Далее на восток мы оказываемся в колониях вновь образованного, но еще не утвержденного церковного прихода Фрезенталь. Первой колонией этого комплекса общин является Ней-Урбах, примерно в 6 верстах от Александердорфа, расположенная у небольшого степного ручья Виталька. Чтобы попасть туда, нужно после Александердорфа еще раз переправиться через Нахой, который именно здесь имеет очень привлекательные, крутые берега, у подножия которых с весны до осени

простирается красивый цветочный ковер, т.к. солнце, несмотря на свои жгучие лучи, не властно над этой постоянно влажной почвой. Летом с легкостью переезжаешь через Нахой, почти пересыхающий и здесь, но в весенние месяцы апрель и май, как и поздней осенью, затруднения велики, т.к. лодки там не найдешь, а строительство даже самого безыскусного моста представляется поселенным поблизости католическим колониям Фриденталь и Либенталь бесполезным новшеством. Ней-Урбах является более глухим и одиноким, чем какое-либо другое из соседних сел. Степные волки исконно бродили по возвышению, на котором сейчас стоит маленькая колония; они и теперь не забыли старого пути, воют вокруг поселения зимой и не щадят его своими посещениями также летом. Здесь все еще только на стадии становления, т.к. люди, переселившиеся сюда лишь в 1859 г., не сразу рискнули возвести свои домишки, поскольку они прибыли без разрешения правительства и должны были в любой момент быть готовы получить строгий приказ к отъезду. Школьного здания еще нет, нет и колокола, и на богослужения, проводимые в большом жилом доме, людей приходится созывать дневным сторожам. Ведь в каждой колонии днем и ночью должна бродить «стража» – днем 1 человек, ночью 2-3, дабы следить за всем и сообщать обо всем чрезвычайном, замеченном ею, форштегеру поселения.

В десяти верстах от одинокого и отдаленного маленького Ней-Урбаха в северо-восточном направлении расположен гордый Фрезенталь, будущий центр этого церковного прихода, статная колония. При своем выезде в степь – около 1850 г. – люди были очень бедны, им приходилось также бороться с неурожайными годами и эпидемиями, так что они долгое время были вынуждены жить очень жалко и убого и, например, проводить богослужения в маленьком тесном школьном здании. Однако постепенно им стало слишком тягостно жить так убого, но, поскольку у них совсем не было средств для нового молельного и школьного дома, то они решили завести общинную пашню – каждый владелец двора должен быть ежегодно выделять для этого десятину, – сообщая ее засеивать и собирать с нее урожай. Собранное таким образом зерно продавали, а вырученные деньги предназначали для общественных нужд, но в первую очередь для возведения школьного здания. Прошло всего несколько лет, как мужчины уже оказались в состоянии начать строительство, и однажды летом появилось большое школьное здание, массивно возведенное из кирпича, с большими светлыми окнами, выкрашенной зеленой краской цинковой крышей и литым чугунным крестом наверху. Статные деревянные вспомогательные строения и толстая каменная стена окружают чистый школьный двор, ведь принадлежащие к хозяйству строения должны не стоять поодиночке, а составлять окружение дворового пространства. Широкая, защищенная навесом наружная лестница ведет внутрь здания, в одной части которого расположены две высокие просторные жилые комнаты вместе с прихожей и кухней, а в другой части – большой молельный и школьный зал с красивым алтарем. Две мощные кафельные печи обогревают просторное помещение, высокий потолок которого опирается посередине на ряд колонн. На примере Фрезенталья соседние общины узнали, к чему может привести колонию единодушное и регулярное возделывание общинной пашни; этому примеру последовали, и сейчас среди новых поселений нет села, которое бы не устроило такую пашню. И в отношении своего местоположения колония Фрезенталь во многом превосходит своих сестер. Она расположена на покатой полосе земли у Большого Карамана, по берегам которого тянется прекрасный лиственный лес, единственный во всей округе.

К востоку от Фрезенталья, на расстоянии в 3 версты, расположены две последние колонии этого церковного прихода, Ней-Боаро и Лилиенфельд, обе также у самого Большого Карамана, на берегах которого, однако, больше нет лесов, а расположены табачные плантации. Ней-Боаро, заложенное одновременно с Фрезенталем, не развивалось вровень с ним. Правда, тут есть просторное деревянное школьное здание, которое раньше располагалось в колонии Орловской и после сооружения там большого каменного здания было продано сюда. Но жалкие, полуразваленные жилые дома и открытые дворы достаточно ясно указывают, что дела здесь шли вперед медленно.

Хорошим примером внезапного поворота к лучшему может служить соседняя колония Лилиенфельд. В этом селе дела шли 10 лет ни шатко, ни валко, т.к. не доставало дельного колониистского приказа; здесь пили много кофе и водки, но слишком мало занимались регулярным земледелием. Здесь едва насчитывалось 1-2 деревянных дома, колокольня грозила обрушиться в любой момент, о школьном здании – через 10 лет! – еще не приходилось и думать. Шмельмейстер был вынужден обучать детей в своей собственной квартире, в маленьком жалком глинобитном домике, при удушающей жаре и в ужасающей атмосфере, и притом лишь часть их в то время, когда для всех не хватало места. Все увещевания духовных и мирских властей не помогали; всё оставалось по-старому. Тут летом 1860 г. прибыла большая партия новых зажиточных поселенцев из церковного прихода Северный Екатериненштадт, чтобы обосноваться в Лилиенфельде, и с прибытием этих «новичков» в колонии началась новая эра. Прибывшие очень скоро уяснили бедственное положение, в котором они оказались, и обратились в поисках помощи к окружному приказу. Тогда колониистский приказ был распущен, из числа новых мужчин образован новый, и в одночасье все стало выглядеть иначе. Через полгода в селе уже стояло много статных жилых домов, всюду стали видны прилежные работники, была устроена общинная пашня в 110 десятин и выстроено новое школьное здание.

Из Лилиенфельда нам нужно преодолеть путь примерно в 30 верст напрямик через степь в южном направлении, чтобы попасть в следующую по очереди немецкую колонию. Тем самым мы оказываемся и у третьей реки, Большого Еруслана, вдоль берегов которого от истоков до устья тянется длинный ряд отчасти русских, отчасти немецких поселений. Русские колонии по большей части намного старше, заселены уже около 20-30 лет, потому очень велики, большинство уже имеют церкви. Тут поселились отчасти собственно русские из прилежащих губерний, отчасти украинские казаки, называемые здесь «малороссиянами». Похоже, в первую очередь их религиозные проблемы привели этих людей с родины сюда, где они рассчитывали обезопасить себя от нападков и вражды. Здесь живет много молокан, духоборцев и хлыстов, рядом – опять староверы всевозможных оттенков, в ближайшем соседстве – отчасти также православные греки. Русские и немецкие поселения у Еруслана обычно заложены так, что территория русских находится на одном, а немцев – на другом берегу реки, но обе колонии возведены друг напротив друга.

Первой поселенческой общиной у Еруслана, на которую натыкаешься, двигаясь из Лилиенфельда, является Розенталь, одновременно также старейшая и одна из самым крупных. Прошло уже около 15 лет с тех пор, как екатериненштадскому колониисту по фамилии Виттенбек, который трудился ремесленником на расположенной у Еруслана, принадлежащей короне так называемой «восточной ферме», пришло в голову

обосноваться на расположенном от фермы всего в 1 ½ верстах плодородном участке, лишь недавно выделенном его материнской колонии Екатериненштадт, и создать здесь свой домашний очаг. Однако тогда ерусланская степь считалась воплощением одиночества и пустынности, где единственная жизнь была представлена только кочующими по округе киргизскими ордами. Однако о них еще с прежних времен сохранились не слишком добрые воспоминания, так что призыв старого колониста, лучше знакомого с делом по личным впечатлениям, поскольку он как житель фермы еще никогда не замечал чего-то связанного с ненадежностью или опасностью в этой уже давно очищенной местности, нашел вначале мало отклика. Но некоторые отчаянные люди все же, наконец, решились хотя бы попытаться действовать и творить общее дело со стариком. Кое-какие семьи приехали туда, выстроили себе небольшие глинобитные дома у Еруслана и начали обрабатывать свежую землю. Дела пошли неожиданно хорошо; киргизские орды, правда, приходили, но вместе с табунами своих лошадей мирно двигались мимо, чтобы торговать на больших рынках у Волги. О смертоубийствах никто не думал, о грабежах тоже, и даже одиночество стало менее ощутимым со временем, когда из старых колоний прибывали следом все новые переселенцы и маленькое поселение день ото дня росло. У Розенталя очень хорошая плодородная земля, и он стал тем временем самой состоятельной, упорядоченной и лучшей из всех ерусланских колоний. Если статных домов в поселении в целом немного, то причина тому – не в бедности его жителей, а в большом удалении от волжского порта Екатериненштадт, откуда нужно доставлять дерево для строительства домов. Кое-кто, кто, возможно, был бы в состоянии выстроить себе три деревянных дома, предпочитает долгое время обходиться «глинобитным домиком», чем с большими усилиями и неудобствами привозить строевой лес с расстояния более 80 верст. Жители Розенталя, похоже, совершенно особого склада, постоянно жизнерадостны и в добром состоянии духа даже в злые времена, – качества, особенно примечательные для здешних колонистов, т.к. у прочих жалобы и причитания стали второй натурой, – готовы к любому благотворному начинанию, ко всякому доброму и полезному заведению в своей среде, пунктуальны и послушны, но в первую очередь прилежны и энергичны в труде. Благодаря этим качествам Розенталь уже занял приоритетное положение среди живущих вокруг поселенцев с нагорной стороны (это единственное поселение луговой стороны у Еруслана) и уже считается центром ерусланских колоний. Розенталь не случайно носит свое название, т.к. весной берега Еруслана, на которых возведена колония, сплошь усеяны дикими розами; плюс к тому зелень и пестрая цветочная поверхность цветущей степи, чистая вода Еруслана, текущего с бесчисленными изгибами, – поистине восхитительное зрелище. Уже в нескольких верстах за Лилиенфельдом начинается настоящая степь, простирающаяся отсюда до равнин Турана и Туркестана; здесь еще важно колышется вверх и вниз гордый козлобородник, по-русски «ковыль»; тут цветут рядом пестрой цветовой гаммой мальва и миндаля, тюльпан и лилия, как они уже цвели здесь в течение тысячелетий. Насколько в летние месяцы, июле и августе, степь выглядит неописуемо печально и пустынно, настолько чудесной и прекрасной она предстает в мае и июне; пожалуй, во всей природе нет ничего более великолепного, чем это цветочное море, поднимающееся и опускающееся тихими волнами, тянущееся в необозримые дали, с живительным воздухом, сияющим солнцем и голубым весенним небом над ним. – Известен и розентальский лес, который хотя и состоит пока лишь из 30-40 ветел, высаженных вокруг пруда, все же демонстрирует склонность здешних колонистов к лесонасаждениям. Здесь тоже была заведена общинная пашня, доходы от которой

предназначены на общепользные цели. Как только удалось собрать достаточную сумму, была приобретена старая церковь в южно-екатериненштадтской колонии Паульской, доставлена в Розенталь, добавлен новый строевой лес, и старая небольшая церковь расширилась до статного просторного божьего храма.

От Розенталя вниз по Еруслану простирается масса небольших колоний, населенных выходцами с нагорной стороны, которые, однако, по большей части выглядят весьма жалко. Первым из этих поселений является Гоффенталь, село, состоящее из низких, наполовину вкопанных в землю глинобитных хижин. В одной из них живет шульмейстер. Впрочем, в бедности этой деревеньки, заложенной уже 4 года назад, в основном повинны сами жители, в прошлом – почти сплошь хлопчатобумажные ткачи и пастухи, внезапно взявшиеся неумелой рукой за земледелие и при этом ленивые и падкие на развлечения.

Примерно в 8 верстах ниже Гоффенталя расположены две деревеньки, Константиновка и Екатериненталь, первая у Еруслана, вторая у его притока, ручья Яма, также еще очень небольшие и жалкие поселения. Школьные занятия и богослужения проводятся в частных жилищах, людишки едва сумели установить колокол и колокольню.

Лангенфельд и Розенфельд, расположенные примерно в 7 верстах от Константиновки на Еруслане, тоже продвинулись немногим дальше; неурожай 1860 г. сильно помешал их расцвету и пробудил в них мысли о выезде на «линию», т.е. на европейско-кавказскую границу.

Розенфельд на Еруслане (в отличие от Розенфельда на Нахое), примерно в 3-х верстах от Лангенфельда, населен одними выходцами из Норки. Они отличаются особенно суровым и простым человеческим складом, эти граждане из церковного прихода Норка с нагорной стороны, которые не любят произносить много слов и комплиментов и у которых воля тут же воплощается в действие, является ли воля доброй или злой. К счастью, у этих людей очень энергичный форштегер, «уважаемый человек» из их среды, который прекрасно умеет ими руководить, так что это поселение за время его правления стало заметно процветать. Например, школьное здание приобрело теперь по настоянию форштегера пристройку, тогда как прежде норкцы не ломали себе головы над тем, что «скот или овцы шульмейстера» всю зиму вынуждены были бродить под открытым небом.

Еще в 8 верстах от Розенфельда, у очень живописного изгиба Еруслана, расположен маленький Кирхгейм; в 14 верстах оттуда, у ручья Усатова Солянка, притока Еруслана, располагаются Ней-Бауэр и Фриденфельд; в 7 верстах от Фриденфельда, у Жидкой Солянки, деревенька Эренфельд, – всё маленькие неприметные поселения. Не считая двух очень тесных глинобитных школьных зданий в колониях Ней-Бауэр и Эренфельд, прекрасных дынь и арбузов в последней деревеньке, а также постоянного отсутствия мира в селе Фриденфельд, все они, вместе взятые, не представляют собой ничего особо примечательного. Сектантство так называемых «печальных» (мистико-пиетистское течение) и «веселых» (одни избранные, убежденность которых в несомненной принадлежности к таковым проявляется в постоянной беззаботности и демонстративной веселости) среди колонистов нагорной стороны, переселившихся в Ней-Бауэр, еще до такой степени

скрыто, что его до сих пор почти незаметно. При последнем посещении церковью пробстом один «печальный» попросил его объяснить, сколько золотых пуговиц и драгоценных камней может иметься в «непреходящей короне», о вручении которой говорилось в визитационной речи, и можно ли выглядеть в ней достаточно статно.

В десяти верстах от Эренфельда, посреди последних колоний – почти на одинаковом удалении от каждой из них – расположено большое село Экгейм, у резкого изгиба Еруслана, который здесь почти все лето имеет проточную воду. Экгейм заложен уже 5 лет назад, имеет несколько статных деревянных домов, а также просторное молельное и школьное здание. Здесь находится центр особого окружного приказа для ерусланских колоний, и вскоре там должен разместиться и особый пастор. Экгейм хорошо подходит для размещения пастората; ведь, помимо своего местоположения посреди других общин, он является одновременно самой благоденствующей и крупной общиной, которая более всех в состоянии построить большое школьное здание и новую церковь. Далее, колония расположена также очень привлекательно – т.е. привлекательно по степным меркам; Еруслан с несколькими зелеными островами в своем ложе вьется вокруг колонии, и насаждения прежних лет в небольшой русской деревеньке, расположенной на другом берегу реки, радуют глаз все же больше, чем просто степь. – В поселении трудится сейчас очень удачно молодой способный шульмейстер, и оно вообще в некоторых отношениях начинает сбрасывать с себя переселенческие одежды.

По пути из Экгейма в расположенный в 60 верстах волжский порт Привальная мы сначала попадаем в совсем небольшое поселение Бейдек. Деревенька заложена в прошлом году поселенцами из Таловки, колонии нагорной стороны, и состоит из нескольких хижин вокруг маленькой колокольни, колокол для которой был подарен материнской колонией.

Тремя верстами далее, примерно в 15 верстах от Экгейма, попадаешь в Гнаденфельд, расположенный у трех степных ручьев, которые вместе образуют Сухую Солянку. Эта колония имеет очень привлекательное местоположение и может со временем стать красивым селом; правда, пока что вся растительность состоит из бивовых стволов у ручья, и единственным заметным домом является школьное здание, построенное только этим летом. В остальном хижины здесь бедней и неприметней, чем в некоторых уже упомянутых деревеньках. Народ, проживающий в этих хижинах, тоже не самый лучший, и эта колония могла бы претендовать лишь на худшую аттестацию среди всех поселенческих общин.

Поспешим в Брунненталь у речья Кривой Яр. Сначала мы видим многочисленные колодцы, т.к. уже на небольшой глубине натыкаешься на прекрасную воду, затем статный дом местного шульмейстера, его имущество, а рядом новое деревянное просторное школьное здание, все внутреннее убранство которого составляет школьный зал, светлый, высокий и снабженный алтарем, представляющий собой подходящее место для обучения и богослужений. По всему видно, что богатая древесиной Привальная расположена всего в 30 верстах. Брунненталь получает все из Привальной, душой и телом неразрывно связан с Привальной, частично говорит на привальненском диалекте и охотно присоединился бы к церковному приходу в Привальной, если бы он уже не был столь велик, и вынужден теперь вопреки своей воле объединиться с Экгеймом. Во всяком случае, эта крайняя из ерусланских колоний

находится в очень одиноком положении, и потому ее нежелание иметь общие дела с другими поселениями достаточно понятно; ее никогда нельзя будет подходящим образом присоединить к церковному приходу, т.к. кругом поселились католики, а ближайшая евангелическая колония Гнаденфельд удалена на 15 верст.

В двадцати верстах от Брунненталя, через степные овраги и глубокие впадины, расположен Ней-Гуссенбах у степного ручья Гашон. Колония велика и насчитывает 100 семей, но была заселена лишь весной 1860 г. Близость Привальной вызвала и здесь появление большего количества деревянных домов, чем во многих более старших поселениях глубже в степи. Однако все еще пестро разбросано, хотя люди трудятся как муравьи. Дельный и зажиточный форштегер, выстроивший себе посреди колонии дом, устроенный совершенно по-городскому, во всех отношениях является благом для общины, которая, состоя наполовину из жителей Норки и наполовину – из старогуссенбахцев, находится в вечных распрях и несогласии. Не считая некоторых зарослей дикой вишни в прилегающих степных оврагах, удобного укрытия для волков и воров-киргизов, в Ней-Гуссенбахе и вокруг него нет ничего примечательного.

Из числа колоний у Соляного тракта⁴ здесь можно назвать только Визенмиллер (об остальных мы не смогли узнать подробностей), красивое большое поселение в 30 верстах от Экгейма, на очень плодородной земле. Жители еще недавно принадлежали к самым зажиточным крестьянам нагорной стороны и переселились сюда, дабы иметь возможность вести крупномасштабное земледелие в свежей степи. Еруслан уже приводит здесь в движение большие мельницы, имеет чарующие, поросшие лиственной растительностью берега и хорошую воду; неподалеку Волга, а тем самым и лесные порты: сплошь благоприятные условия для новых поселений. Люди хотят и здесь попросить разрешения нанять отдельного проповедника, и если тут когда-нибудь будет собственный церковный приход, то он может стать одним из самых лучших и зажиточных на всей луговой стороне.

Если ехать из Ней-Гуссенбаха напрямик через степь в Вейценфельд, то примерно через 5 верст после Ней-Гуссенбаха и за 20 верст до Вейценфельда прибываешь в небольшое эстонское село, жители которого обосновались здесь летом 1855 г. Поселение, которое соседи называют «Лифляндка», расположено по обеим сторонам глубокого степного оврага. Люди поселились там согласно своим конфессиям: на одной стороне живут сплошь православные эстонцы, на другой – лютеране, около 27 семей. Там одни глинобитные хижины чрезвычайно своеобразной постройки, наполовину в эстонской, наполовину в колонистской манере, т.е. продолговатые, с маленькими оконцами и все же с котельной печью колонистов. Бедность в деревеньке, естественно, очень велика, но если у людей есть терпение и они выдержат в этом месте, прилежно работая, то на этой плодородной полосе земли их ждут благословение и плодородие. Соседние немецкие колонисты уже не раз привозили себе жен из этого эстонского поселения и вовсе не считают такие связи мезальянсом, хотя эстонцы получили здесь со своей землей не привилегии колонистов, а лишь права вольных государственных крестьян. К богослужению и причастию здешние эстонцы ездят в церковь в Вейценфельд.

---

⁴ Соляной тракт – это длинная узкая полоса земли, по которой тянется «соляная дорога» от озера Эльтон до Саратова.

Быстро пропутешествовав по колониям у среднего течения Еруслана, мы опять возвратимся в Розенталь и постраниваем отсюда вверх по реке. При этом мы уже через 6 верст, сразу за большим русским селом Карпенка, прибудем в заложенные 3 года назад немецкие колонии Шендорф и Шенфельд, которые, однако, еще не смогли достичь процветания, т.к. здесь два года подряд был неурожай. В двух колониях нет еще школьного здания, вообще сколько-нибудь хорошего дома, и пройдет, видимо, несколько лет, пока они по праву смогут претендовать на слово «schön» в своих названиях. Колония Шенталь, заложенная 5 лет назад, уже может продемонстрировать новое деревянное школьное здание. Многочисленные глинобитные хижины, правда, не предвещают рая и здесь, но при оценке жителей этого поселения – они происходят из церковного прихода Ягодная Поляна – необходимы совершенно особые мерки: колонист из этого прихода должен быть уже очень состоятельным, чтобы потратить свои деньги на строительство удобного деревянного дома.

Ней-Ягодная, крайняя из этих колоний, заложена только в минувшем году (1860 г.), поэтому многие строения и завершены только наполовину. Им придется прождать и некоторое время до завершения, т.к. неурожайный год привел жителей в такое расстройство, что из 98 семей поселенцев все, не считая 20, вернулись в материнскую колонию, твердо решив больше не ступать по степи луговой стороны. Однако цветущие просторы будущей весны они, по всей вероятности, вновь увидят все на Еруслане, т.к. трудно предположить, что малоземельная материнская колония может сильно порадоваться внезапному возвращению.

Общины от Гоффентала до Ягодной должны в ближайшие годы, если это позволят плодородные времена, создать особый церковный приход с пасторатом в Шендорфе. Но сегодня об этом, видимо, еще не приходится думать, т.к. Розенталь был бы единственной колонией, которая могла бы сделать все необходимое для этого, и, кроме того, как уже отмечалось выше, житель Ягодной с трудом проявляет готовность к тому, что не дается ему совсем легко. Люди из церковного прихода Ягодная Поляна на нагорной стороне по своим резким грубым манерам имеют кое-что общее с жителями Норки, даже превосходят их в этом, и потому необходимо совершенно особое исследование, дабы правильно с ними обращаться. Они многое переняли у русских крестьян, среди которых жили на нагорной стороне, как в одежде и поведении, так и в обычаях, традициях, образе мыслей и действий. Диалект этих 4-х колоний отличается совершенно особой чужеродностью и грубостью, к нему примешаны многие русские слова.

От колонии Ней-Ягодная вьется дорога, ведущая на восток, в собственно киргизскую степь, она тянется по обоим берегам Еруслана, то там, то здесь пересекая его, следуя вверх по течению через различные русские, татарские и мордовские села. Путнику мнится, что любой немецкий элемент уже давно остался позади него и он больше не сможет услышать знакомого родного звука, пока через Урал не доберется, наконец, до Тобольска или Омска; Еруслан становится все меньше и меньше и, кажется, все больше заслуживает названия, даваемого ему уже жителями Ней-Ягодной, а именно – «ручей Ерус». Уже виднеются вдали синие холмы, «Марцовские горы», последние отроги Общего Сырта, придавая степи чужеродный характер. Тут, примерно в 40 верстах за Ней-Ягодной, прибываешь в небольшую деревеньку, все-таки не совсем похожую на татарское или мордовское село. И действительно, опять немцы, будто без нескольких представителей этой нации не может существовать ни

один, даже самый отдаленный пункт громадного божьего мира! Это маленький Визенгейм, одна из старейших поселенческих общин, которой, однако, пришлось бороться со многими невзгодами, частыми неурожаями и т.д., и потому она и по своему внешнему виду еще может предъявить немногим более, чем колонии, заложенные лишь год или два назад в среднем течении Еруслана. Пять общин, о которых в дальнейшем следует сказать подробнее, населены сплошь колонистами с луговой стороны, из Панинского округа, которые обосновались здесь пестрыми рядами, где заблагорассудилось каждому, так что, например, в колонии Мангейм представлены 9 материнских колоний. Но это не является преимуществом для данных сел; единство и чувство общности поощряются этим мало, послушание по отношению к форштегерам поселений не усиливается. Эту перемешанную жизнь бедных людей самой разнообразной окраски, где при всех преобразованиях в общине каждый желает того, что было дома именно у него, можно по праву назвать главной раковой опухолью в их развитии.

5 колоний распадаются на 2 группы: Визенгейм и Розендамм, самые небольшие и старейшие, расположены в верхнем течении Еруслана; Зихельберг, Мангейм и Гнаденфлюр – неподалеку от истоков Большого Карамана; две группы удалены друг от друга примерно на 20 верст. Розендамм, в 3-х верстах за Визенгеймом, т.е. самая восточная самарская колония, является одновременно самой первой деревенькой у Еруслана, который образуется немного выше из нескольких сливающихся здесь степных ручьев. Дамба (Damm) Розендамма является, следовательно, первой из сотни дамб, которые приходится нести на себе бедному Еруслану, сохраняя с их помощью свои зеленые воды в таком же количестве глубоких хранилищ, называемых здесь «стоячей водой», для потребления живущих возле него людей в течение года. Постройки здесь уже намного лучше, чем в Визенгейме, где за 10 с лишним лет выросло только глинобитное школьное здание, тогда как в Розендамме все-таки удалось уже построить деревянное. Будучи хотя и намного меньше и скромнее, Розендамм все же не желает уступать роскошному Розенталю в среднем течении Еруслана ни в каком отношении; здесь тоже выстроена красивая церквушка. Она пережила многообразные судьбы, эта церквушка; сначала служила молельным зданием старой, а теперь большой и богатой колонии Шафгаузен; затем, когда Шафгаузен выстроил себе новую церковь, долгое время стояла в качестве покойницы на тамошнем кладбище и была, наконец, подарена этой большой общиной ее бедным детям в колонии Розендамм, которые с радостью и благодарностью приняли дорогой подарок, перевезли его к себе и теперь вновь воздвигают в своей среде с добавлением нового строевого леса.

В Визенгейме мы опять покидаем Еруслан и отправляемся по мало изъезженным степным тропам, через плодородную пашню и тучные луга, в Зихельберг, который намного больше Визенгейма и Розендамма и расположен не у самой реки Караман, а вблизи ее, у одного из впадающих в эту реку степных ручьев, вода которого тоже задерживается весной несколькими мощными дамбами в глубоких хранилищах и резервируется для годового потребления жителей Зихельберга. Вокруг хранилищ и у дамб высажены деревья, причем уже несколько лет назад, так что въезжающего в колонию встречает услада для взора, несколько зеленых деревьев, – настоящая редкость и в этой части степи. Постройки в целом хороши и служат соответствующим подтверждением тому, что деревенька в последнее время, очевидно, сильно

поднялась. Среди домов особенно заметно школьное здание, имеющее обклеенный обоями школьный зал, покрашенные потолок и стулья для молящихся, а также отделанный с редкостным вкусом домовый алтарь. Но жители Зихельберга, похоже, имеют интерес не только к материальному, к полю, дому и деревьям, но и к другим вещам, что заметно по прекрасному хоровому пению, практикуемому значительным кругом зихельбергских мужчин под руководством шульмейстера.

Мангейм, в 5-6 верстах от Зихельберга, расположенный у Карамана, село с более чем 500 жителей, лелеет в своей молодой душе высоко идущие, крупно-городские, меркантильные устремления; там должна бы организоваться и проводиться большая ярмарка, дабы в поселении, где до сих пор едва ли задерживался продавец гвоздей и мелкий сапожник, вскоре могли расцвести торговля, ремесла и благосостояние, поскольку, как считают мангеймцы, «в мире ведь должны быть торговля и сообщения». Однако местному пастору, хорошо знающему, что с упомянутыми «торговлей и сообщениями» сюда придут и многочисленные винные лавки с ссорами и распрями, до сих пор удавалось этому благополучно воспрепятствовать. Дай бог, чтобы меркантильные поползновения Мангейма очень скоро были подавлены доброй, простой агрономической практикой и развеялись, ведь насколько благотворны рынок и торговля для поселения, уже продвинувшегося во всем, настолько же они губительны для только что вступившей в жизнь крестьянской деревеньки, жители которой подобрались, право, не из лучших мужчин материнских колоний. Здесь, как в Зихельберге и Гнаденфлуре, тоже образовался мужской хор под руководством шульмейстера.

В пяти верстах от Мангейма расположен Гнаденфлур, населенный выходцами из 10 старых общин, центр этого нового церковного прихода, состоящего из 5 вышеупомянутых колоний. Подобно Розендамму на Еруслане, Гнаденфлур является самой лучшей колонией на Карамане, берущем свое начало неподалеку отсюда, за счет соединения нескольких теснин и оврагов.
